

Вия Артмане: Служить искусству— служить человеку!

Почти тридцать лет Вия Артмане живет на этой рижской улице, которая, подобно спокойному притоку, отлилась от шумной, всегда спешащей улицы Ленина. Здесь нет ярких реклам-зазывал и нарядных, похожих на соборы домов, здесь хочется замедлить шаг... По многу раз в день Вия Фрицевна проходит мимо знакомых примет, теперь и новый театр ее недалеко, всего в нескольких кварталах. Она идет по своей улице, как по жизни...

(Очерк «Ее величество — душа» читайте на 2-й странице).

14 МАР 1982

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

г. Москва

Ее величество — душа

ЭТО БЫЛО В ГОД, когда театр отмечал 50-летие Вии Артмане. За юбилеем приехала машина, застеленная зеленым, как луг, ковром, и на нем — кресло. Накрапывал дождь, актеры-мужчины, одетые в костюмы из «Ричарда III», выстроились в почетном карауле под зонтиками, украшенными цветами. Сколько же было цветов! Спускаясь по лестнице, Вия Фрицевна боялась на них наступить. А когда соседский мальчик первым приподнес ей маленький букетик фиалок, она чуть не заплакала. Торжественная кавалькада медленно двигалась к театру, пел оркестр, и вся улица приветствовала свою «королеву» — цветов все прибавлялось и прибавлялось, те, кто не успел добраться до машины, бросали их сверху, из окон, скоро уже Вия Фрицевна еле удерживала букеты в руках...

Что и говорить, Артмане — человек известный и почитаемый в Латвии, а уж на улице-то ее знает всякий. И как бы ни была широка известность актрисы за пределами республики по фильмам, в которых она снималась, — будь то «Эдгар и Кристина» или «Родная кровь», или «Никто не хотел умирать» — все равно «дома» знакомство с ней гораздо ближе, теснее. В Художественном академическом театре им. Я. Райниса она играет очень много, а слава у театра такая, что на его посещениях записываются в очередь из районов за несколько лет вперед — предпочитают ждаты, чем смотреть выездные спектакли. Каждый вечер площадь у театра напоминает оживленный порт: светится огнями «театр-корабль», со всех сторон «оккупированный» автобусами. На афише «Елизавета Англичанка» Ф. Брукнера. В главной роли — В. Артмане. А завтра непрклонную власть и муки ревности, самовлюбленность и страдания ее королевы сменят боль, тоска по общению и пониманию Надежды Монаховой из горьковских «Варваров», потом Артмане выйдет на сцену в пьесе венгерского драматурга А. Кертеса «Вдовы», доверяя зрителям горечь несостоявшейся любви своей героини...

Детство всегда сидит в кармане подлинного художника — метко и образно сказал Чарльз Чаплин.

Деревня ее детства приютилась рядом с маленьким городком Тукумсом, в шестидесяти километрах от Риги, а казалось когда-то — даль дальная. Отца она знает только по рассказам матери: веселым был человеком, хорошо пел, любил музыку. В девятнадцать лет, когда Вия еще не родилась, он погиб мартовским днем пытаясь починить колодец — до больницы его довезти не успели. Одиноким женщинам с ребенком по тем временам невероятно трудно было найти работу, комнату снять — того труднее. Послушалась мать разумных советов и отдала дочку на воспитание надежному деревенскому люду, а сама нанялась прислугой к богатым рижанам. С десяти лет Вия уже стала помогать матери — даже чердак в старом доме без отопления стоил дорого, и она каждое лето ходила по селам «пастушском», зарабатывала на одежду, «добывала» муку, мясо...

— Люди мне сделали столько добра, — вспоминает Вия Артмане, — на их доброте я и выросла. Недавно ездила в деревню, где живет одна из тех женщин, старенькая совсем — 92 года ей, она меня и спрашивает: «Что же ты сейчас делаешь?» — «В театре играю», — отвечаю. — «Играешь — это я слышала», — вздохнула. — Так это не работа... Сельские люди хорошо знают, как трудно все в жизни достается, потому я сердцем помню и цену их поддержке, отзывчивости, доброту — смогу ли хоть сотой долей отплатить им за это!..

Совсем девочкой, школьницей, пришла Вия в студию Театра имени Райниса, не предполагая, что он станет ее судьбой. В девятнадцать лет она получила диплом, и, может быть, театром так и не заболела бы всерьез, если бы не выдающийся режиссер и педагог Эдуард Смильгис. Именно он почувствовал в ней актрису и героиню, необходимую театру в то время, тому театру, каким он и основывал его 60 лет назад вместе с Райнисом.

— Каковы традиции нашего театра? — Вия Артмане задумалась и глянула в зеркало, словно хотела увидеть в нем ушедших своих учителей, наставников и себя — прежнюю. Где-то там, за пеленой лет, осталась ее порывистая, юная Джульетта, с которой

началась для актрисы пора больших ролей классического репертуара. Шекспир и Лев Толстой, Лермонтовский «Маскарад», Достоевский, комедии Шоу и Скриба и, конечно, драмы Райниса — поразительно широкий диапазон ее актерской молодости. — На классике актер рос, а театр прежде всего держался, — рассказывает она. — И на музыке. Была в нем какая-то особая певучесть, пластичность. И страстность, ясность, простота. Смильгис был ужасно нетерпелив, он любил «готовых» актеров, способных его в чем-то убедить. Не случайно при театре всегда существовала студия — там актер начинался. С одинаковой требовательностью режиссер относился к молодым и маститым, работа с полной отдачей — закон для всех. Он натренировал нас так, что мы иначе не умеем. Как мне это пришло, особенно в кино! Помню, во время репетиции новой пьесы Смильгис отходит подальше от сцены и сердится: «Ничего не слышу». Говорю громче — опять не слышит. Уже почти кричу, а он: «Говорить громко — не есть говорить понятным языком». Каждая роль отрабатывалась актером настолько точно, что он уже спокойно импровизировал в любой сцене. Как будто заново, только что рождалось произведение искусства. Я и сейчас могу не играть в «Варварах» по полгода, но на сцену иду бесстрашно — так глубоко во мне «сидит» спектакль. И в этом — традиция, по-моему, прекрасная.

Отчего порой разрушаются традиции семейные? Оттого, что их поддерживать некогда. А театральные — когда некому. Каждое поколение стремится прийти со своими желаниями, но только ими традиций не удержать. Было и такое время, когда в наш театр перестали ходить. Зависело это, конечно, прежде всего от художественного руководителя. Однако через всякого рода эксперименты и веяния театр вернулся «на круги своя». Радует, что наш главный режиссер Арнолд Лининь воспринял и старается продолжать, развивать то лучшее, главное, на чем театр рождался, — страстность, яркость, типажность. Конечно, сегодня мы не можем гладить, как утюгом, по-старому, мы обязаны разговаривать, общаться и со зрителем, и с парт-

нером в современной манере. И обязательно спорить друг с другом, потому что, как бы критически мы к себе ни относились, любое видение коллеги, несогласное с твоим, заставляет задуматься.

Сколько же сил, духовных и физических, необходимо актеру, чтобы оправдать доверие зрителей, чтобы их убедить, удивить... Только тогда и можешь, когда постоянно держишь себя «разрезанным». После войны при всей любви латышей к театру современные пьесы смотрели с трудом. А Смильгис говорил: пусть в зале десять человек, но играть «как-нибудь» и для них нельзя. Да, актер не имеет права терять то, что накопил, он должен заботиться, чтобы его профессия удивляла всегда.

О своих тревогах Вия Артмане говорит скупко. А разве их нет, разве все гладко, лучезарно в ее жизни? Когда она начала сниматься в кино, готова была работать по 18 часов, а дети маленькие, и их приходилось таскать на съемки. Каспар долго болел и, как она сказала, «выпал из очереди». Конечно, волновалась — сможет ли найти себя? Кажется, сомнения позади, сын определен (пишет песни, слова и музыку — на последнем песенном телесконкурсе Латвии его назвали шестым из двадцати участников), но сердце все равно неспокойно — дети есть дети. А Кристина? Вроде способная, целеустремленная, учится на прикладном отделении художественного училища, до двух ночи сидит за своими занятиями, а ей ведь всего семнадцать. И мама старается встать пораньше, приготовить завтрак, проводить дочь, чтобы та почувствовала: уходит из дома. Иногда Вия Фрицевна думает: пора меняться, надо немножко пожить для себя, для семьи, а то вырываю время, когда болело. Вот и муж привычно бросает: «Пойду в театр, пообедаю». Да, сроднился с их вторым домом, и столовая там отличная, но в семье то всегда лучше. А Вия Фрицевна и кулинарка, и вязание обожает, и шитье-перешивание... Только ненадолго хватает ее «угрызений». Все равно она отложит спицы, когда нужно посмотреть новый спектакль или фильм, — что же делать, она член художественного совета театра и

киностудии. Ну а если добавить, что Вия Артмане председатель художественного совета Дворца культуры объединения «ВЭФ», заместитель председателя Советского комитета защиты мира, депутат Верховного Совета Латвии, двенадцать лет бессменный секретарь партбюро театра, то просто невозможно понять, откуда же все-таки она выкраивает часы, чтобы создать уют дома и в театральной гримерной, чтобы сшить себе платье и связать мужу свитер?..

— Вот как все работы столпилось, — улыбается она, подправив выбившуюся прядку волос. — Но знаете, все мои «нагрузки» годятся для актерского дела. Только раз в месяц я принимаю людей по депутатским обязанностям. Гораздо чаще подходят прямо на улице, уж не говоря о письмах. Человеку становится легче, душа разогнется, когда его хотя бы выслушают. А есть и кричащие вопросы, которые давно надо было решить. Не знаю, может быть, кто-то легче справляется с такими делами, я иногда не выдерживаю — плачу, если не сумела помочь. От этой работы многое переняла. Самых разных встречаешь людей, а за ними открываются характеры...

«Свою» Надежду Монахову Вия Артмане «нашла» сама — в трамвае. Читала сценарий и отвлеклась: залюбовалась молодой женщиной, стройной, красивой, в модном костюме. Вдруг на крутом вираже вагон метнулся, и женщину кто-то толкнул. Какие же колкие, большие слова вылились на «обидчика». Вия Фрицевна аж вздрогнула — вот так контраст! Почему же она сразу подумала о Монаховой? Прямолинейность — вот ключ к ней, высказывать правду тоже надо уметь.

Русская классика... Актриса благодарна судьбе за то, что «получила» таких героинь, как Кручинина в «Без вины виноватые», чеховская Аркадина, Кити из «Анны Карениной», Надежда Монахова... Что узнала Лермонтова через Нину Арбенину, навсегда полюбила его остроумие, страдания и слезы... Что смогла погрузиться, так и не исчерпав до конца, в сложный образ Настасьи Филипповны — человек, который весь болит...
Рита.

— Когда я работаю над какой-либо пьесой великого мастера слова, — рассказывает Артмане, — всегда читаю ее по-русски, чтобы уловить ритм человека. Иногда меня упрекали в том, что русифицирую латышскую речь. Но я уверена — не надо придерживать строгого перевода, ведь характер человеческий и в словесной ритмике, в интонации... Современная женщина сохранила в себе, пронесла через время лучшие черты классических образов. Олицетворение всего ценного, высокого в женщине — незабываемый образ в фильме «Родная кровь» или в той же истории «Эдгара и Кристины»... Жаль, что мало пишут подобных ролей. Таких людей нужно больше показывать, чтобы пробуждать в человеке чувства, — умом-то мы все сильны...

Чем больше художественное кино берет от документального — тем лучше, считает она. Чем глубже актер «забирается» в жизнь, тем полнее она ему видится. Сейчас актриса ждет сразу два киносценария, их пишут для нее специально, но пока она опасается о них говорить — из суеверности. Одну «тайну» все-таки открыла — оба на современную тему. А нагрузки? Наверное, иначе Вия Артмане жить не смогла бы, служить искусству — тоже. Послушаешь, как заразительно рассказывает она о Дворце культуры, как знает его историю, людей, массу тонкостей, понимаешь — и там часть ее души.

...Нет, она не шла, она торжественно пыла по улице, скромно и элегантно одетая, улыбаясь солнцу. Она шла из дома в театр, легким кивком головы отвечая на приветствия. Большой сверток в ее руках чуть покачивался в такт походке. В вестибюле театра она купила свежие газеты, забрала почту, и так же не спеша, потому что поспешность ей вообще противопоказана, поднялась в гримерную. Развернула по купку, и из белого вороха выглянула головка цветка. Пристроила горшочек на журнальном столике, потеснив вазу с цикламенами, и снова улыбнулась — открыто и светло. Сегодня вечером у Вии Артмане опять спектакль.

Т. ИСАКОВА.
(Наш спец. корр.).